

противостоять ей и отказывается принимать ее условия, понимая, что с собой она несет лишь тревогу и жестокие новости, а это, по мнению Карла, является плохим вознаграждением.

*Fortune, sont ce de voz dons,
Engoisses que vous aportés ?
A present vous en deportés ;
Ce sont trop douloureux guerdons.*

*D'entrer ceans vous deffendons ;
Dures nouvelles rapportés,
Fortune, sont ce de voz dons,
Engoisses que vous aportés ?*

*Фортуна, среди своих даров
Несете ли вы Тревогу?
Сейчас вы лишь радуетесь этому;
Это плохие вознаграждения.*

*Мы вам запрещаем входить сюда;
Вы несете жестокие новости,
Фортуна, среди своих даров
Несете ли вы Тревогу?*

Символика Фортуны в рондо Карла Орлеанского не случайно ассоциируется с фигурами круга, колеса, луны. И не случайны эти ассоциации в самом жанре рондо, подразумевающим круговую структуру. Уходящий в древность, символ языческой богини судьбы

был достаточно популярен в Средневековье. Изменчивость, непостоянство и случайность, присущие ей – все это выразил Карл Орлеанский в своих рондо.

Простота и скромность синтаксических структур в рондо, их живость и оригинальность, достигнутые с помощью персонификаций и метафор, – такова мозаика этого жанра, драгоценного камня, оттачиваемого поэтом-ювелиром Карлом Орлеанским на закате Средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амбелен Р. Драмы и секреты истории. – М.: Прогресс-Академия, 1993.
2. Васильева Г. Культура средних веков и Эпохи Возрождения. Науч.-метод. рекомендации. – Новосибирск: НГПИ, 1992.
3. Даркевич В. П. Народная культура Средневековья – М.: Наука, 1988.
4. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996.
5. Champion P. Charles d'Orléans, joueur d'échecs – Paris: H. Champion, 1908.
6. Machault G. de. Les œuvres – Reims, Paris : Techner libraire, 1849.
7. Orléans Ch. de. Ballades et rondeaux. Edition du manuscrit 25458 du fonds français de la Bibliothèque Nationale de Paris, traduction, présentations et notes de J.-Cl. Mühlethaler – Paris : Lettres gothiques, 1992.
8. Poirion D. La littérature française : Le Moyen Age II. 1300-1380. – Paris : Arthaud, 1970.
9. Starobinski, J. L'Encre de la Mélancolie // Nouvelle Revue française, n° 123, mars 1963, Paris. P. 417.

УДК 82.0

Созина Е.М.

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

«СКИФСКИЙ ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА *

Аннотация. Автор анализирует ряд стихотворений ведущих представителей основных литературных течений поэзии Серебряного века и показывает, как скифская тема развивалась в рамках символизма, акмеизма и футуризма, какими философско-эстетическими причинами обусловлен переход в

трактовке скифства как исторического факта к воспеванию скифов как феномена духа, завершившийся возникновением литературной группировки «Скифы» (1917 г.). Исследователь приходит к выводу о существовании в русской литературе т.н. «скифского текста» и указывает на его определяющими признаки и надэстетическую природу.

* © Созина Е.М.

Ключевые слова: акмеизм, Серебряный век, символизм, «Скифы», «скифство», «скифский текст», футуризм.

E. Sozina

Moscow State Humanitarian University
named for M.A. Sholokhov

“THE SCYTHIAN TEXT” IN POETS’ CREATIVE WORKS OF THE SILVER AGE

Abstract. The author analyses a number of poems written by the leading representatives of the main literary trends in the poetry of the Silver Age and shows the development of the Scythian theme within the framework of symbolism, acmeism and futurism. The article focuses on philosophical and esthetic reasons due to which there was a shift in the handling of Scythianism (“skifstvo”) from treating it as a historical fact to poetizing the Scythians as a spiritual phenomenon that led to the origin of the literary group “The Scythians” (1917). The researcher comes to the conclusion about the existence of the so-called “Scythian text” in the Russian literature and points out its determining features and above-esthetic nature.

Key words: acmeism, the Silver Age, symbolism, “The Scythians”, Scythianism (“skifstvo”), the “Scythian text”, futurism.

Эсхатологические предчувствия катастрофических перемен, которыми, казалось, был насыщен сам воздух вступившего в XX в. мира, вылились в череду исторических событий небывалого масштаба. Русско-японская война, первая мировая война, революционные потрясения заострили традиционный для русской общественной мысли вопрос о месте России между Востоком и Западом. Крушение гуманизма, кризис старых культурных форм и потеря «почвы» в эпоху «безвременья» послужили психологическими стимулами для обращения к мифологии с целью осмысления происходящего. В сложившейся исторической ситуации на фоне критического эмоционального напряжения культурная память извлекла из своей сокровищницы образ скифа как возможность национально-исторической самоидентификации для русского человека.

Тема скифов стала необычайно популярной в русской культуре XIX – начала XX вв. Интерес к ней вырос после сенсационных открытий археологических памятников в Северном Причерноморье. Скифами интересовались видные историки и филологи (А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Ростовцев и др.). Ими были увлечены художники («Битва

славян со скифами» В. Васнецова, книжная графика К. Петрова-Водкина и П. Хентовой) и музыканты («Скифская сюита» С. Прокофьева). Большим успехом пользовался перевод на русский язык книги немецкого ученого О. Шрадера «Индоевропейцы» (1913), в которой родословная славян возводилась к скифам.

На этой почве интерес к скифской теме возник и у литераторов. Широко известно появившееся в 1917 г. литературное объединение «Скифы», возглавлявшееся Р.В. Ивановым-Разумником и включавшее в себя А. Блока, А. Белого, С. Есенина, Н. Клюева, А. Ремизова и др. Однако тема скифов присутствовала и у писателей, не входивших в это объединение. Историческим скифам были посвящены поэтические произведения целого ряда авторов: К. Бальмонта, В. Брюсова, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба, Г. Шенгели, Е. Кузьминой-Караваевой, В. Хлебникова и др.

В данной статье нам важно проследить на примере ведущих представителей Серебряного века, как скифская тема развивалась в рамках символизма, акмеизма и футуризма, какими философско-эстетическими причинами обусловлен переход в трактовке скифства как исторического факта к воспеванию скифов как феномена духа, завершившийся с возникновением в 1917 г. литературной группировки «Скифы» с собственной идейной программой.

Ярким примером развития скифской темы могут служить стихи лидера символистов В.Я. Брюсова. Так, его программное стихотворение «Древние скифы» было включено в первый сборник «Скифы», вышедший в свет после революции 1917 г. несмотря на то, что сам поэт не вошел в эту литературную группу.

Скифская тема в творчестве Брюсова разрабатывалась в рамках символизма. Как известно, доминантной приметой философии и поэтики русского символизма был панэстетизм. Речь идет о восприятии и художественном воссоздании мира как «эстетического феномена» в художественных или критикотеоретических оппозициях: красота – безобразия; гармония – дисгармония; космос – хаос и т. д. [см. 10].

Значительное влияние на формирование скифской проблематики в символизме оказал также панмонголизм – одна из ведущих идей В.С. Соловьева. Впервые она была заявлена в одноименном стихотворении поэта. В дальнейшем философ не раз к ней возвращался

(статьи «Враг с Востока» (1892), «По поводу последних событий» (1900), стихотворение «Дракон (Зигфриду)» (1900), «Три разговора...» (1900) и др.). В историософской концепции Соловьева панмонголизм выражает идею восточной опасности, исторического возмездия Европе, исчерпавшей потенциальности своего развития.

Данные особенности символизма представляют для нас особый интерес, поскольку созвучны основному настроению «скифского мифа» в русской литературе начала XX в.: в образе скифа нашла художественное воплощение идея Ф. Ницше о «дионисийском» жизнеощущении. Благородный варвар дерзал разрушать исчерпавшие себя формы жизни и созидать новые, руководствуясь при этом своим пониманием красоты как правды.

Наиболее наглядно «скифское» мироощущение и его становление в творчестве Брюсова отражено в таких стихах, как «Скифы» (1899) и «Древние скифы» (1916). При этом к группе «скифских» в лирике поэта можно отнести и поэму «Замкнутые», стихотворения «Знакомая песня», «Довольным», «Грядущие гунны», «Близким».

Стихотворение «Скифы» (1899) входит в цикл Брюсова «Любимцы веков» и представляет собой попытку воскресить образ далекой древности, своеобразное перевоплощение поэта в скифа. Основной в стихотворении становится тема стихии естественного бытия варварского племени. Лирический герой стихотворения восхищается жизнью кочевников, видит свое духовное родство с ними, утверждая: «Если б некогда гостем я прибыл / К вам, мои отдаленные предки, – / Вы собратом гордиться могли бы, / Полюбили бы взор мой меткий» [5, с. 152].

От прошлого поэт обращается к настоящему и будущему: в сатирической поэме «Замкнутые» (1900–1901) Брюсов описывает некий «Безвестный Город», который «не хотел дышать ничем живым и новым, / Почти порвав с шумящим миром связь» [6, с. 144]. Герой поэмы надеется, что «Борьба, как ярый вихрь, промчится по вселенной / И в бешенстве сметет, как травы, города» [6, с. 152], что «неведомое племя» [6, с. 152] пройдет по земле, как очищающий огонь. Разрушение Города – символа одряхлевшей цивилизации – лирический герой воспринимает с восторгом, поэма завершается экстагическим возгласом: «О солнце! о простор! о высота степей!» [6, с. 152]

Почти религиозное исступление звучит

в стихотворении «Довольным» (1905). Его лирический герой бросает обвинение своим современникам: «Довольство ваше – радость стада, / Нашедшего клочок травы / Быть сытым – больше вам не надо, / Есть жвачка – и блаженны вы!» [6, с. 220]. Он призывает на их головы кару – набег варваров.

Подобный призыв к молодым «варварским» народам присутствует и в известном стихотворении Брюсова «Грядущие гунны» (1904–1905). Автор восхищается варварской ордой, подчеркивает близость к природе и первобытную мощь благородных дикарей:

*Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, –
Вы во всем неповинны, как дети!* [6, с. 221]

А в своем программном стихотворении «Древние скифы» (1916) Брюсов уже не «отдаленных предков» или чужие народы, а себя и своих современников причисляет к варварам-скифам («Мы – те, об ком шептались в старину, / С невольной дрожью эллинские мифы: / Народ, взлюбивший буйство и войну, / Сыны Геракла и Ехидны – скифы») [5, с. 248]. Здесь само понятие «скиф» имеет значение, вышедшее за рамки именованного конкретного этноса, олицетворяя не столько варварское племя, сколько очистительное пламя обновления.

Нетрудно заметить, как от стихотворения к стихотворению всё более громкое звучание приобретают на уровне тематики – апология «жизненной силы», поэтизация стихии во всех ее проявлениях; на эстетическом уровне – особая «экстагичность стиля» и пафос разрушения. Всё это будет присуще «скифской» идеологии и поэтике 1917 – 18 гг. (подробнее об этом см.: 2; 3; 7, с. 256–259). К тому же в стихотворениях Брюсова появляется целый ряд культурных концептов, возникших в писательской среде как «результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [9, с. 4]. Например: «воля», «буйство», «стихия», «степь» и т. д. Появление в тексте таких образов и мотивов дополнительно укрепило «скифскую» тему, образуя своего рода «скифский подтекст».

Разработку скифской темы в рамках акмеизма, или, как его называют реже, адамизма, мы проследим на примере его идеолога Н. Гумилева, чье творчество можно рассматривать

как эталонное для данного литературного течения.

Как известно, основными принципами акмеизма являлись: освобождение поэзии от символистских призывов к ирреальному, трансцендентному миру, возвращение ей ясности; принятие земного мира в его многообразии; обращение к человеку, к подлинности его чувств; поэтизация первобытно-биологического природного начала; широчайшие эстетические ассоциации, «тоска по мировой культуре», в том числе ее архаическому пластику [см. 13].

Акмеисты старались всеми силами вернуть литературу к жизни, человеку и природе. Именно это обращение к первоначальному в личности позволило «скифскому мифу» найти свой отзвук и внутри акмеизма.

Гумилевым этот миф был воссоздан в стихах сборников «Колчан» (1916) и «Костер» (1918), однако «скифская», «варварская» тема разрабатывалась поэтом и в более ранних стихотворениях. Наиболее ярко она выражена в стихотворении «Варвары» (1907).

В основу этого произведения положен конфликт между лживой роскошью цивилизации и здоровой простотой варварства, выраженный через систему оппозиций Город-Становище, Женщина-Мужчина, Юг-Север. «Герои, несущие луки и пращи», оказываются перед искушением принять мораль покоренного народа, чему, по мысли автора, могут противопоставить только свой гордый уход к новым кочевьям: «Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь, / С надменной усмешкой войска повернул он на север» [8, с. 116].

Характерно, что автором выделяется концепт «север» и связанные с ним понятия («варвары севера», «скитанья по снегу и по льду», «холодное небо»). В рамках исследуемой темы это особенно важно: одним из центральных мотивов скифской мифологии было утверждавшееся родство между скифами и таинственной северной расой гипербореев, с которой в эпоху нового времени связывали истоки подлинной европейской культуры и духовности. Также важен возникающий в стихотворении мотив «ухода» от цивилизации, являющийся центральным для «скифской» идеологии [см. 3].

Типичные «скифские» образы варваров-лучников можно найти в гумилевском стихотворении «Девушке» (1911), в котором неожиданно появляется «безумный охотник, что прямо в солнце пускает стрелу» [8, с. 149],

и в «Сонете» (не позднее января 1912), где лирический герой клянется: «Мой предок был татарин косоглазый, / Свирепый гунн...» [8, с. 154].

Отдельного внимания заслуживает стихотворение «Солнце духа» (1914–1915). В нем «скифская» тема возникает как тема духовной борьбы и духовного перерождения:

*Как могли мы ... но еще не поздно.
Солнце духа склонилось к нам.
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам* [8, с. 223].

Так у Гумилева возникают образы очистительной огненной бури и духовной трансформации личности, созвучные «огненному вихрю» и духовной революции Иванова-Разумника.

Не случайно появляются в стихотворении и концепты «степь» и «воля» («В дикой прелести степных раздолий, / В тихом таинстве лесной глуши / Ничего нет трудного для воли / И мучительного для души» [8, с. 223]): они поддерживают тему духовного освобождения. Ту же тему отражает и образ «зрелых плодов» от «древа духа» – своего рода антипод библейского древа познания.

И, наконец, отголоски мифа о России-Скифии появляются в сборнике Гумилева «Костер» (1918). Наиболее органично «скифская» тематика звучит в подтексте стихотворения «Мужик».

Прототипом героя стихотворения – «странного мужика» – является Григорий Распутин, на что указывали еще современники поэта, в частности М. Цветаева [16]. Однако этот образ более многогранен, проглядывают в нем и поэтизация разбойничьей стихии («Путь этот – светлы и мраки, / Посвист разбойный в полях» [8, с. 254]), и диковатая языческая архаика («Слушает крики Стрибожьи, / Чуж старинную быль» [8, с. 254]), и эстетизация страннической и бродяжнической судьбы («Вот уже он и с котомкой, / Путь оглашая лесной / Песней протяжной, негромкой» [8, с. 254]). В финале стихотворения возникает образ орды «странных мужиков», покоряющих страну («В диком краю и убогом / Много таких мужиков» [8, с. 255]).

Стихотворение развивает тему обворожения и завоевания Руси-невесты стихийной силой, воплощенной в образе «странного мужика» – потомка древнего скифа.

Разработку скифской темы в рамках футуризма интересно рассмотреть на примере

творчества одного из лидеров данного литературного течения Велимира Хлебникова.

Между «скифским мифом» и футуризмом в России были свои точки соприкосновения, обусловленные такими характерными чертами футуристического течения, как: провокативный антиэстетизм; программный антииндивидуализм; анархическое бунтарство; увлечение примитивом; антиурбанизм; культ жизни, имевший архаические корни [см. 4, с. 145–189].

К «скифскому» циклу у В. Хлебникова можно отнести такие стихотворения, как «Скифское» (1908) и «Семеро» (1912). Несомненную принадлежность «скифскому» мифу также демонстрируют такие произведения поэта, как стихотворение «Курган» (1915) и поэма «Каменная баба» (1919). К такому заключению мы приходим на основе контекстуального анализа данных произведений.

В центре лирического сюжета стихотворения «Скифское» (раннее название – «Подруга») – образ воина-всадника. Прозрачный текст со множеством архаизмов построен как хитроумная стихотворная загадка, ответ на которую не дает ни одно из его названий. Однако намек на возможную разгадку содержат последние строки:

*Он держит путь, где хата друга.
Его движения легки.
За ним в траве бежит подруга –
В глазах сверкают челноки [15, с. 54].*

Как замечает исследователь творчества В. Хлебникова В.Я. Мордерер, последняя строка «В глазах сверкают челноки» (или вариант: «Ее глаза – среброchelноки») «на специфически “охотничьем” или кинологическом языке означает “челночный ход” собаки. Веселая подруга отважного воина, столетиями спящего со своим верным конем в могильнике, – собака» [12].

Стихотворение «Семеро» (1912) связано с легендой о происхождении савроматов от скифов и амазонок, рассказанной в книге IV «Истории» Геродота. Исследователи (Н.И. Харджиив, Г. Баран) обнаружили у Велимира Хлебникова ряд переключек с ней.

Центром повествования являются «семь могучих оборотней», ставших «хребтом и обличьем» подобны коню и «холодные сердцем» «дщери великой Гилеи». Их любовный союз описывается как скачка, бой и распря. Однако семеро утверждают «Этот спор чарует нас, / Ведут к счастью эти войны» [15, с. 81].

Стихотворение «Курган» (1915) «навечно запорожским железным крестом (найден при раскопках на Киевщине)» [15, с. 666]. Содержание стихотворения формируют такие концепты, как курган, курганный воин, курганный день, конь, конница, а также мотив вечного движения, создающийся за счет насыщения текста соответствующими глаголами: конница – летит, день – течет, конь – несется.

Поэма «Каменная баба» (1919) выстроена иначе. Ее темой является тема времени – ведущая в творчестве Хлебникова. Каменная баба – алтарь скифа, и в молитве у этого алтаря жаждущему открывается связь времен, встреча настоящего с прошлым и будущим.

Следует заметить, что о поэмах Хлебникова написано немало научных исследований. Например, Н. Степанов указывал, что «творчество Хлебникова производит впечатление недописанного эпоса» [14, с. 344], Д. Мирский замечал, что «мифологические поэмы Хлебникова – свободные сны о каком-то прекрасном и немножко страшном мире; этот мир каким-то образом смыкается с ... миром... будущего» [11, с. 222].

Все сказанное можно в полной мере отнести и к поэме «Каменная баба». Впечатление незавершенности, фрагментарности, мифологичности и маргинальности изображаемого, сложное взаимоотношение лирического и эпического – все это есть в поэме. Однако благодаря своему центральному образу произведение приобретает особое значение в общем ряду. Впоследствии образ каменной бабы стал одной из доминант в творчестве Хлебникова, и семантика его связана с проживанием «вселенского полного мига» [1, с. 171].

Подводя итоги, следует заметить, что «скифская» тема имеет свои особенности в творчестве каждого из рассмотренных поэтов: в стихах Брюсова акцент сделан на дионисизме, поэтизации стихии разрушения как пути к обновлению мира, Гумилеву близок героический образ скифского воина как предтечи русского витязя, в то время как Хлебникову – архаический пласт скифской культуры и ее тайных знаков, обращенных к будущему. Тем не менее, мы можем отметить и значительное сходство между ними в раскрытии данной темы. В той или иной степени для «скифских» произведений всех трех поэтов характерен переход от простого описания исторических скифов к апологии духовного бунта, к «евразийскому контексту» и архаике, т. е. к духовному «скифству», наиболее яр-

ким выразителем которого стала возникшая в 1917 г. группа «Скифы». При этом концептосфера «доскифских» стихотворений поэтов Серебряного века в значительной мере совпадает с концептосферой стихотворного наследия поэтов «скифов» 1917 – 18 гг. (А. Блок, А. Белый, С. Есенин, Н. Клюев и др.).

Таким образом, можно утверждать, что ряд стихотворений В. Брюсова, Н. Гумилева и В. Хлебникова входит в систему текстов, маркированных темой «скифства», наиболее полно развитой позднее представителями литературно-философской группировки «Скифы». Это, в свою очередь, позволяет поставить вопрос о существовании в русской литературе «скифского текста» (или сверхтекста) – сложной системы интегрированных текстовых структур, не прикрепленных к какому-либо литературному направлению, имеющих общую внетекстовую ориентацию (исторические скифы, их рецепция в русской и евразийской культуре) и образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой (единство тем) и языковой (набор концептов) цельностью.

По нашему наблюдению, определяющими признаками «скифского текста» в русской литературе рубежа XIX–XX веков являются:

- миф о родстве скифской и славянской ментальности, обнаружение в другой эпохе истоков всемирной славянской миссии;
- идея спасения через гибель;
- пафос разрушения сложившихся форм жизни во имя утверждения новых;
- поэтизация стихии как животворящей энергии бытия;
- наличие особой концептосферы.

При этом обращает на себя внимание надэстетическая природа «скифского» феномена, его неприкрепленность к теоретическим платформам основных течений поэзии Серебряного века, отражение в «скифстве» общих

тенденций духовного и эстетического сознания русского общества эпохи предреволюционного рубежа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Башмакова Н. Слово и образ: О творческом мышлении Велимира Хлебникова. – Хельсинки, 1987.
2. Белоус В.Г. «Скифское», или трагедия «мировоззрительного отношения» к действительности // Звезда. – 1991. – № 10. – С. 158 – 165.
3. Бобринская Е. «Скифство» в русской культуре начала XX века и скифская тема у русских футуристов // Искусствознание, 1998, №1. – С. 445–467.
4. Бобринская Е.А. Футуризм. – М.: Галарт, 1999.
5. Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах. / Под общ. ред. П.Г. Антокольского и др. – Т.1 Стихотворения. Поэмы. 1892 – 1909. М., 1973.
6. Брюсов В. Заря времен. – М., 2000.
7. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – Рязань, 2002.
8. Гумилев Н.С. «Когда я был влюблен...»: стихотворения. Поэмы. Пьесы в стихах. Переводы. Избр. проза / Сост., вступит. статья Л.А. Озерова. – М., 1994.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1993. Т. 1. – С. 3 – 9.
10. Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. – СПб., 2004. – Кн. 3: Поэтика русского символизма. – С. 103–115.
11. Мирский Д. Велимир Хлебников // Мирский Д. Литературно-критические статьи. – М., 1978. – С. 218 – 224.
12. Мордерер В.Я. «Меркнут знаки зодиака...» / В.Я. Мордерер // Велимир Хлебников [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа http://www.ka2.ru/nauka/valentina_1.html – Дата доступа: 10.06.2010.
13. Совсун В. Акмеизм, или Адамизм // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929 — 1939. – Т.1. М., 1930. — Стб. 70-73.
14. Степанов Н. Поэты и прозаики. – М., 1966.
15. Хлебников Велимир. Творения. – М., 1986.
16. Цветаева М. <О Гумилеве> / Н.С. Гумилев: pro et contra: личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / отв. ред. Бурлака Д.К. – 2-е изд. – СПб., 2000. – С. 486 – 487.